

МАКСИМ ЕРШОВ

УБИТЬ ИМПЕРАТОРА

*Мгла сыпалась, струилась
по стёклам, как пепел...*

1

О параллелях, отсылках, коннотациях, аллюзиях, намёках, корреляциях, диалогичности, преемственности, о сходствах и различиях “Мастера и Маргариты” и романа Владислава Артёмова “Император”, думается, скажут немало и глубоко. Не буду этому мешать. Скажу только, что необходимое Артёмов высказал сам. И добавлю, что для меня это два романа, вызванные к бытию одними и теми же обстоятельствами, с той разницей, что для Артёмова, живущего сейчас, что Скокс, что Революция, а для Булгакова первое оказывается лучше второго. Правда, автору сегодняшнему видно лучше, он старше на семьдесят семь лет. У Булгакова было больше надежды, потому что не было телевизора. Артёмов встречает нас у последнего – когда пали все идеологии – бастиона. Человеческого сердца, бьющегося между крыльями бабочки: “Будто бы много раз видел Бубенцов, как повторялась на репетициях в театре эта сцена, знал её на зубок. Но то было понарошку, а теперь вот случилось наяву. Ужас заключался именно в том, что на этот раз не было никакой игры. Всё стало абсолютно реальным. Репетиция превратилась в подлинную жизнь. Всё происходило по-настоящему. Вместо блестящей, остроумной фальсификации на сцену вылез грубый, необработанный, корявый подлинник. Именно в подлинности происходящего заключался главный ужас”.

2

Деньги как управляющая материей сущность старше любой действующей религии. Если же есть религия (монотеистическая) старше денег, то мы о ней не знаем. Мы о ней только узнаём... А между тем поле боя сужается и сужается, до размаха бабочкиных крыльев. До слабого сердца героя русского романа дурака Ерочки Бубенцова. Но и ему место уже только в дурдоме, уже только в могиле да в небесах – то есть в романе: “Ерошка некоторое время помедлил в проёме. Две пальмы росли справа и слева от прохода, соединяясь ветвями, образуя арку над его головой. Поток тропического тепла выкалывало навстречу из шумного зала, едва не сносил с ног. От этого тепла покалывало замёрзшие щёки и лоб. Пещерным, первобытным духом веяло из глубины, где шевелилось, галдело многорукое растревоженное племя. Ерочка топтался в дверях, вглядываясь в укромные углы, не решаясь вступить

в опасные заросли. Из-за мохнатых стволов там и тут показывались свирепые, красные лица. Иногда над столами, чертя воздух чёрными крыльями, пронеслись официанты во фраках. Они пикировали сверху, уклонялись в последний миг от смертельного столкновения с землёй, расхаживали вокруг на пружинистых ногах, раскладывали по столам принесённые куски добычи”.

3

Из карнавала, хоровода, из визга и хохота непременно должен торчать красный язык трагедии. Шуту всё равно в итоге достаются слёзы. Но ещё большее оттого, что похожему внешне на Сергея Есенина Ерошке Бубенцову никак нельзя проявить себя иначе. Только в роли шута в специально подстроенный момент бездарного представления. Во-первых, Ерошка просто гражданин России. Во-вторых, сказать он хочет то, что давно не помещается в реальность. В ту, где мы живём, к которой привыкли и которая претендует быть неизблемым будущим. Я понимаю Бубенцова Ерошку. Я сам такой же вот точно ерошка: если меня нет – это правильно, ну, а если хочу быть – то пожалуйста шутовской наряд. Чтобы остались целыми рёбра.

“Ерошка стоял посреди сцены в ослепительном круге света. Озираясь, щурил глаза. Сухим жаром несло от софитов и юпитеров, празднично сияло всё вокруг. Не то чтобы он смутился, утратил решимость... Хмельной порыв, который вынес его на публику, немного отступил. Но всего лишь на секунду, как отступает волна, чтобы накатить и ударить с новой силой.

<...> Правды и справедливости?! – прогремел Бубенцов. – “Нет правды на земле! Но нет её и выше!..”

Только и всего. Здесь он ненадолго замолчал, не зная, как продолжить. Не оговорился ни единым словом больше. Это-то и удивительно! Неужели одно только выпретенное упоминание о правде и о справедливости произвело столь сокрушительное воздействие? Пусть вещали о ней уста нелепые, крамольные, шутовские”.

Диагноз этот слишком многозначителен. “Бедный русский Гайавата!” – писал некогда Есенин в письме из Америки. Кажется, он, Есенин, прозрел именно там. И это прозрение стало ему приговором. Поэт разбил одно зеркало (“Чёрный человек”), Ерошка Бубенцов – другое. Артёмов говорит, что это зеркало одно и то же: “Рванулся, вскочил на ноги, дотянулся... Тяжёлый снаряд полетел в гуцу врагов.

Взвыли страсти человеческие!.. И не семь их было, не семь, а гораздо, гораздо... Но, увы, ему не удалось разрушить бюргерский мир. И даже ни единой кегли не смог он повалить. Хотя и попал очень удачно, в самую сердёвку. Потому что весь этот чуждый, враждебный мир, в который он целился и в который метнул сокрушительный снаряд, был всего лишь отражением в гигантском настенном зеркале.

С великолепным громом, замедленно, плавно, отваливаясь большими кусками, падало зеркало, высвобождаясь из бронзовых оков. Ударившись о светлый мрамор пола, развесёлыми брызгами плеснуло по щиколоткам. Радуга вспыхнула в облачке мельчайших осколков, зависших в воздухе. Оператор телевидения с вывалившимся от наслаждения языком снимал бесценные кадры. Радуюсь величайшей творческой удаче, запечатлевал то, что больше уже никогда и нигде не повторится в мире”.

Артёмов подметил вещь роковую. Нам не выбраться из зеркального лабиринта, пока мы не найдём в себе сил для реальной, а не шутовской борьбы. А пока “только юридический да пьяный человек приобретают законное право говорить на этой земле правду”.

4

Сущность истории заключается в установлении и сохранении господства. Как только технологии (с началом использования пороха) стали значить больше, чем значит отвага в военном деле, стал побеждать тот, кто мог купить более технологичное оружие. Господство – подчинение человеческих масс для чёрной работы – стало перетекать от булата к злату (помните, конфликт того и другого у Пушкина?). С появлением в Италии первого банка революции стали неизбежны. Уцелели лишь те боги, короли и рыцари, которые служат злату.

И не надо удивляться, если государство не способно победить коллекторов. Оно ничего не способно победить, кроме Ерошки Бубенцова, побеждённого сто лет назад. Потому что для корпорации народа нет. Есть баланс, расчёт, конкурирующие фирмы. В глобальном контексте отражается сущность высоких побед, в оптимизме оптимизации и будущем бюджета. Если вместо истины – армия, это не очень хорошо. Потому что национальной армии без национальной школы нет даже и в Америке. Бюджет и отчёт не исчерпывают вопросы о том, где находится наша школа, наша культура, наша литература. И чему все они служат: *“Нам не нужно никого нанимать. Мы берём готовый характер, который органично вписывается в сюжет. А дальше человек действует уже сам, по собственному вдохновению. Так ему кажется. На самом же деле система управляет им. Он поступает в соответствии с законами системы, а его поступки, в свою очередь, влияя на систему, настраивают, совершенствуют её. Всё живо, всё естественно.*

– А если человек не захочет вписываться в вашу механику?

– Человек действует совершенно свободно. Но вариантов выбора всего два. В любой ситуации. Да – нет. Вот весь свободный выбор”.

И вот ещё, далее по тексту романа, говорит вновь доктор Шлягер:

“Нам не нужны наёмники. Нужны преданные, верные люди, которые служат добровольно. Действуют по убеждению. Они и не подозревают о том, что самые главные убеждения мы вкладываем в человека незаметно для него, контрабандой. Вживляем через образы, которые мало поддаются анализу. Через чувства, которые трудно контролировать. Через сердце, которое капризно и своевольно. Вам и в голову не приходила догадка, что вы всего лишь орудие чужой воли!”

5

Первой части романа предпослан эпиграф – максима Игнатия Брянчанинова. Можно уточнить, отметив, что мысль, выраженная в эпиграфе, принадлежит Платону. Платонизм присущ не только идейному содержанию романа Владислава Артёмова, но и русской государственности. Правда, эта государственность не первый век поставлена под вопрос. Рецидивы были: Александр Миротворец, Сталин, Брежнев. Есть и сейчас – тенденции, только непонятно, сущностны они или формальны. Строгость во благо – это правда забота или привычный алгоритм бюрократического действия? Во всяком случае, действие это совершается только там, где ему дозволено: на окраинах и в низах, в обычной сфере действия легионов и центурионов.

А по-настоящему? Средневековые варвары сумели, выучив латынь, прочесть Платона. А теперешние, выучив английский? Цензура сегодня не нужна. Ничего стоящего массы никогда читать не будут. Сложнейший, выделанный, неторопливый, выстраданный и героический роман “Император” они читать не будут. Цензура теперь внутри нас. Непроходимое болото пошлости не требует ограждений. Ведь человек – мера всех вещей! Нет, без государства обойтись нельзя: *“Устройство человека оказалось не сложнее устройства старинного ночника, что много лет стоял в спальне у Бубенцовых. Ночник почти уже не использовали, но, когда нажимали кнопку, лампа зажигалась зеленовато-синим светом. Срабатывал электромоторчик, и в таинственном подводном царстве всё приходило в движение, оживало. Проплывали по кругу экзотические рыбы, медузы, осьминоги, покачивались морские коньки, шевелились водоросли, поднимались пузырьки. Однако стоило приглядеться повнимательнее – и видно было, что там движутся одни и те же коньки, медузы, осьминоги. В одних и тех же сочетаниях, в одной и той же последовательности. Что рыб на самом деле нарисовано всего только семь.*

Люди самых разных сословий, возрастов, характеров оказались по сути одинаковыми. У всех внутри копошились всё те же семь гадов. Подноготное знание не радовало Бубенцова. Документы, которые он изучал, готовясь к очередному выступлению, были подлинные, цифры реальные, факты ужасающие, фотографии страшные. Но вот что поразительно! Вот во что невозможно даже поверить! Публичные разоблачения, производимые Ерофеем Бубенцовым, основанные на достоверных сведениях, не имели ни малейших последствий. Кроме разве что совсем незначительных. В ответ на страшные факты, в ответ на самую жгучую сатиру слышался дружный весёлый смех”.

Платон писал о Едином, о благе Вселенной, частицей которой является душа человека. Пелевин, тоже платонист, пишет о Ебанке, частичкой которого является каждая кредитная карта. И вот человеческое сердце. Слева – Платон и Единое, справа – Пелевин и Ебанк. А прямо перед героем – Артёмов, который говорит человеку: да, я знаю, всё знаю. Налево пойдёшь – коня потеряешь, направо – жизнь. Иди, куда хочешь, ты можешь идти, куда хочешь, если найдёшь в себе самом силы устоять. И перед первым, и перед вторым. Это почти невозможно, но ты держись, будь достоин себя. А значит, Бога! И только тогда можно говорить хоть о чём-то. О России, например. А иначе: “С детства забивается колышек, очерчивается коло, за которое заступать нельзя. Недаром мы строжайше запрещаем даже прикасаться к Евангелию. Строжайше возбраняется! Наш девиз: “Не навреди!” Живёт человек, и пусть себе живёт в своё удовольствие. Зачем ему занозу вгонять в мозг, жизнь портить – напрягать совесть, мучить вечными вопросами? Наша задача – обути, одеть, накормить, устроить комфортную среду обитания. Всё для блага человека! Мы гуманны. У нас умно всё устроено, продумано до мелочей. Диктатуры нашей никто не видит. Человеку кажется, что он сам совершает выбор”.

“Конец света” надо понимать буквально: не как конец мира, жизни, а именно как конец в мире, в жизни света. Поэтому так пишет один современный поэт:

*В небе, где тьма прозвучала,
должен сгорать фейерверк!
Мы начинаем сначала:
палим непрожитый век...*

6

Когда убили русского царя, в мире стало холодать. Не сразу замёрзло: его мало убить, ещё и повалить надо. А падать он отказался. Он, конечно, берёт не своё имя, а имя России, чей реликтовый свет и чья горячая кровь согревала целое двадцатое столетие. Но повторная вивисекция завершила дело. Теперь русскому дураку и в дурдоме не спрятаться, теперь он совсем бездомный. Но теперь, когда государь умер, пустота начала притягивать звёзды...

Владислав Артёмов здравый человек и мудрый писатель. Но иногда реальность начинает отрицать то самое отрицание всего (кроме материального интереса хозяев положения), на котором зиждется. Отрицать невидимого бога, спрятанного за фасетчатыми глазами экранов, повелителя экранов, социальных институтов, дискурса, славы, власти, повелителя истин, мух и пустоты. Такую реальность называют ирреальной. Телега, поставленная впереди лошади, грозит куда-нибудь сорваться. И утащить всё и всех. И иррациональное владычество начинает бояться самого себя. Возникает краткая заминка в механизме и... Как говорится, открывается щёлочка для возможности. Такая – на дверной цепочке, знает. В уме сумасшедшего – где ещё? Блаженные чувствуют первыми: “*Всякий раз, прислушавшись к сердцу, Ерофей с удивлением обнаруживал, что есть внутри человека нечто, большее человека. Нечто, способное подняться над ним, поглядеть сверху, оценить даже сам ум его... С такой поддержкой исправить поломку внутри себя – возможно*”.

7

Карнавал рвался-рвался, со времён Гаргантюа и Пантагрюэля, со времен Трёх Апельсинов – с XVI века, короче, – и прорвался. Через Лемберг, Любек, Вильно, Нарву – с запада, вместе с Польшей. Старая история, ещё ветхозаветная: хорошо смеётся тот, кто смеётся последним. Где теперь тот Вавилон, где Ассирия? Египет где?

В романе “Император” – карнавал, театр, цирк, дурдом. Вереница циничных эгоистов. Натурализм российской жизни. Идея “каждый за себя” административно структурирована. И нельзя придумать ничего хуже для страны, чем эта аномия, воцарившаяся сверху донизу, где главное – самосохранение среди распила.

Всё у Артёмова – страшная сказка. И всё у него – страшная правда. Ремарк восставал против войны и мучился памятью. Артёмов восстаёт против мира и мучается памятью. Но память это и есть – ты. Мука – это и есть ты. И пока ты ещё можешь себя терпеть в этой человеческой муке самости, на тебя есть надежда. Пусть время – это точильный круг. Ты – мимолётные искры, летящие из-под стачиваемого топора, который и тебе поставит точку... Но больше всё равно нет ничего.

Поэтому и не к кому больше Владиславу Артёмову обратиться. Только человек и остался. Из сказанного ясно, что “Император” – трудный роман. Но с появлением таких романов в каждой литературе становится одним значительным писателем больше: *“Оказывается, в толще народа, на недостижимой глубине, в самой сердцевине этноса, происходили таинственные перемены. Пусть перемены эти совершались пока внутри одного-единственного человека – внутри Ерошки Бубенцова. Но это были те перемены, которые определяют судьбу всего народа. Потому что народ – это один человек, только многожды, миллионы раз умноженный сам на себя”*.

И смотрите: если в ближайшее время “Император” не будет отмечен и напечатан, это станет окончательным доказательством его оглушительности. Потому что убить императора – дело трудное, его просто так не бросишь.

г. Белгород